

А. СКАБИЧЕВСКИЙ

Новые черты в таланте г. М. Горького

Максим Горький: pro et contra / Вступ. ст., сост. и примеч. Ю. В. Зобнина. -- СПб.: РХГИ, 1997. - (Русский путь).

OCR Бычков М. Н.

I

Г. Горький в последнее время начинает все чаще делать вылазки из среды своих излюбленных золоторотцев, и мы можем лишь сказать ему: "В добрый час!" Это выводит г. Горького на более широкий простор, дает возможность не в пример более разнообразить свои образы и не повторяться в такой степени, как это ему приходилось с его босяками. В то же время, принимаясь за изображение различных сфер жизни, более знакомых и изученных г. Горьким, он имеет возможность быть правдивее, реальнее, изображать людей русских такими, каковы они на самом деле, а не Ринальдо Ринальдони в картинных плащах и бандитских шляпах с черными перьями¹. По крайней мере, несколько новейших, последних произведений г. Горького, не имеющих ничего общего с босяками, являются не от чего иного, как именно вследствие этого: и разнообразнее и правдивее. Таковы "Варенька Олесова", и вышеозначенные "Кирилка" и "Фома Гордеев".

II

Рассказ "Кирилка" представляет собою прелестную бытовую сценку, но не бесцельно-фотографическую, а заключающую в себе глубокий символический смысл. Но не подумайте, чтобы это был символизм в декадентском духе. Нет, рассказ г. Горького скрывает в себе тот здоровый художественный символизм, какой найдете вы во многих произведениях наших классиков -- Крылова, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Щедрина и проч. Одним словом, в бытовой сценке г. Горького, как в микрокосме, отражается то явление, какое мы видим в современной русской жизни, взятой в ее целом. Явление это заключается в том, что на каждом шагу в интеллигентных сферах мы можем слышать, как беспощадно честят мужиков -- и спившимися до полного помрачения пьяницами, и лентяями, и лежебоками, отвыкшими от труда и старающимися жить лишь подачками и воровством. Упускают только все эти хулители совсем из вида очень маленькое обстоятельство: именно, что они и едят и пьют, и детей воспитывают, и за границу катаются, и искусствами наслаждаются, -- все это на мужицкие деньги.

Так, в рассказе изображается несколько приезжих, принужденных вследствие внезапного вскрытия реки, скучиться на берегу ее в долгом и томительном ожидании прибытия лодок и возможности переправы. Здесь кроме рассказчика были псаломщик Исай, земский начальник Суцов, купец Мамаев. Но более всего обратил на себя внимание рассказчика мужичонка на кривых ногах, в рваном полушубке, туго подпоясанный, перегнувшийся вперед и как бы застывший в поклоне господам. Маленькое, сморщенное лицо его поросло редкой серой бородкой, глаза были спрятаны в мешках морщин, тонкие темные губы были сложены в улыбку, и в ней одновременно соединялись почтительность с насмешкой и глупость с плутовством. Он сидел на корточках, был похож на обезьяну и, медленно поворачивая голову то туда, то сюда, следил за всеми, не показывая никому своих глаз. Из бесчисленных дыр его полушубка высывались клочья грязной овчины, и вся фигура мужика производила странное впечатление: он казался изжеванным, как будто сейчас вырвался из какой-то огромной пасти, пытавшейся сожрать его.

Все скучившиеся проезжие не знали, когда река очистится и пустит их дальше, всем было томительно скучно; в то же время, так как никто из них не ожидал задержки, никто не запасся съестным; все были голодны, а поэтому и злы. Но на ком же было им изливать свою желчь, как не на мужике? И вот началась обычная трепка мужика, благо он был тут налицо.